
ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

УДК 343.9

DOI 10.24147/2542-1514.2020.4(2).99-108

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ

М.П. Клеймёнов^{1,2}

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

² Новосибирский государственный университет экономики и управления, г. Новосибирск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

16 марта 2020 г.

Дата принятия в печать –

15 мая 2020 г.

Дата онлайн-размещения –

03 июля 2020 г.

Ключевые слова

Прогнозирование,
индивидуальное преступное
поведение, уголовно-правовые
риски, привычный риск,
профессиональный риск

Изучается уголовно-правовой аспект прогнозирования индивидуального преступного поведения, который, помимо прочего, заключается в оценке потенциальным преступником вероятности быть привлеченным к уголовной ответственности за возможное посягательство и понести наказание. Отмечается, что отношение различных лиц к возможности быть привлеченными к ответственности за нарушение уголовно-правового запрета может изменяться в широких пределах, приобретать различный характер, иметь специфические особенности. Выделяются группы уголовно-правового риска: вне риска («над законом»); привычного риска; «оправданного» риска; легкомысленного риска; эмоционального риска; ситуационного риска; профессионального риска.

PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL FORECASTING OF INDIVIDUAL CRIMINAL BEHAVIOR

Mikhail P. Kleymenov^{1,2}

¹ Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

² Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russia

Article info

Received –

2020 March 16

Accepted –

2020 May 15

Available online –

2020 July 03

Keywords

Forecasting, individual criminal
behavior, criminal risks, habitual
risk, professional risk

The subject of the article is the problem of typical assessments of criminal legal risk by offenders.

The purpose of the article is to confirm or refute the hypothesis that the attitude of various persons to the possibility of being punished for violating a criminal prohibition can be typologized, and the probability of being punished depends on the criminal's belonging to the corresponding type.

The methodology includes dialectical, comparative legal, sociological, statistical, psychological methods, expert assessments, generalizing indicators.

The main results, scope of application. The original criminal-legal aspect of predicting individual criminal behavior consists primarily in determining the probability of a potential criminal being brought to criminal responsibility for a possible offense and being punished. Foresight in this case is individual in the literal sense of the word – its subject is primarily a person who is inclined to commit a crime. The position of the researcher of criminal law forecasting of individual criminal behavior, who is obliged to put himself "in the place" of a socially dangerous person, to understand the nature and process of risk assessment, and to be brought to criminal responsibility, is also original. The attitude of different persons to the possibility of being brought to justice for violating a criminal law prohibition may vary widely, acquire a different character, and have specific features. In this regard, theoretically, we can distinguish the following groups of criminal risk: out of risk ("above the law");

habitual risk; "justified" risk; frivolous risk; emotional risk; situational risk; professional risk. The validity of this typology is confirmed by both empirical experience and materials of criminal-legal and psychological research.

Conclusion. The magnitude of the criminal legal risk, of course, should be taken into account in the criminal law policy: both when assessing its purposefulness and effectiveness, and when solving the task of a comprehensive information and analytical support for it.

1. Введение

Проблема прогнозирования индивидуального преступного поведения наиболее полно разработана в криминологии [1–7]. Его предметом является преступное поведение отдельных лиц с оценкой его вероятности со стороны представителей правоохранительных органов (или исследователей) с целью принятия (или разработки) упреждающих (профилактических) мер [8–11]. Полученные при этом результаты, их несомненная теоретическая и практическая значимость являются убедительным примером для уголовно-правовой науки, призванной изучать, в частности, закономерности воздействия угрозы наказанием на сознание и поведение лиц, от которых можно ожидать совершения преступления. Что касается судебной практики, то при вынесении приговоров должны даваться прогностические оценки; во всяком случае зарубежные исследователи проблемы прогнозирования индивидуального преступного поведения на этом не только настаивают, но и предлагают определенные рекомендации, например, в виде принятия так называемого структурированного судебного решения, где учитываются риски повторного совершения преступлений [12; 13].

Оригинальный уголовно-правовой аспект прогнозирования индивидуального преступного поведения заключается, прежде всего, в определении потенциальным преступником вероятности быть привлеченным к ответственности за возможное посягательство и понести наказание. Как видим, предвидение в данном случае является индивидуальным в буквальном смысле этого слова – его субъектом в первую очередь выступает лицо, склонное к совершению преступления.

В этом – специфика «чисто» уголовно-правового подхода к рассматриваемой проблеме; он не присущ криминологии, которая занимается определением вероятности совершения лицом преступления. Ясно, что такая цель не может быть поставлена аутентично. Оригинальна и позиция исследователя уголовно-правового прогнозирования индивидуального преступного поведения, обязанного поставить себя «на место» общественно опасной личности,

уяснить характер и процесс оценки риска, быть привлеченным к уголовной ответственности.

Разумеется, имея в виду особенности уголовно-правового прогнозирования индивидуального преступного поведения, не следует игнорировать и то, что объединяет различные подходы к изучению общественно опасного поведения. Таким связующим звеном являемся криминальная мотивация, анализ которой представляет интерес для исследования проблемы предвидения как с уголовно-правовой, так и криминологической точки зрения. Отметим, что уголовно-правовое прогнозирование в данном случае «поставляет» информацию для прогнозирования криминологического. В свою очередь, тот опыт, который накоплен и обобщен специалистами в области предвидения социально опасного поведения, с успехом может быть использован для достижения целей уголовно-правового прогнозирования. Такой опыт свидетельствует, в частности, что для составления прогноза необходимы изучение и типологизация лиц, склонных к совершению преступлений [14, с. 12].

Действительно, отношение различных лиц к возможности быть привлеченными к ответственности за нарушение уголовно-правового запрета может изменяться в широких пределах, приобретать различный характер, иметь специфические особенности. В этом плане теоретически можно выделить ряд групп «уголовно-правового риска»:

1. Субъекты, считающие себя находящимися «над законом», вне пределов уголовно-правового регулирования, относящиеся к возможности привлечения их к уголовной ответственности, несмотря на совершаемые общественно опасные действия, как к нереальной (группа «вне» риска).

2. Лица, сознательно ориентирующиеся на риск в силу противоправного образа жизни (группа привычного риска).

3. Правонарушители, полагающиеся на «везение», оправдывающие риск выгодой, которая может быть получена в результате совершения преступления (группа «оправданного» риска).

4. Субъекты, сознательно пренебрегающие высокой вероятностью быть привлеченными к уголовной ответственности (группа легкомысленного риска).

5. Лица, которые не могут в силу физиологического, психического состояния, индивидуальных качеств оценить правовые последствия преступных посягательств (группа эмоционального риска).

6. Лица, ошибающиеся в оценке сложившихся обстоятельств, недооценивающие вероятность уголовно-правовой квалификации их действий в экстремальной ситуации (группа ситуационного риска).

7. Категория правонарушителей, неоправданно рискующих при выполнении профессиональных обязанностей (группа профессионального риска).

Приведенная типология, конечно, во многом схематична. Однако, ее обоснованность подтверждается как эмпирическим опытом, так и материалами криминологических и психологических исследований. С целью аргументирования этого тезиса обратимся к более подробной характеристике каждой из выделенных групп, имея в виду те факторы, которые могут быть приняты во внимание соответствующими субъектами, оценивающими в процессе криминальной мотивации вероятность их уголовно-правового преследования.

2. Группа «вне» риска

Новейшая историография представила нам обширную галерею типов, занимавших высокие государственные посты, организовывавших геноцид, разрушение материальной и духовной культуры, широкомасштабную коррупцию. Многие из них сами стали жертвами террора, активными участниками, которого они являлись (как правило, вне связи с преступлениями, которые они совершили). Многие так и не понесли никакой ответственности. Характерная черта, их криминальной психологии – осознание полной личной безнаказанности, вседозволенности. Обретение соответствующего должностного статуса обеспечивало им положение «над законом». Ситуация в этом отношении изменилась, однако не настолько, что можно было говорить об исключительности рассматриваемого подтипа субъектов. Элитарная группа пополняется в итоге образования дополнительных государственных структур, расширения круга лиц, обладающих большими властными полномочиями, формирования «замкнутых» управленческих систем, не имеющих зачастую фактически независимых органов, осуществляющих контрольные функции.

К группе «вне» риска относятся также организаторы преступной деятельности, являющиеся, по су-

ществу, идеологами криминальной среды – так называемые «воры в законе». По данным многих исследований, включая те, участие в которых принимал автор, функции таких лиц включают в себя организацию пропаганды преступного образа жизни; создание и распределение фонда («кассы», «общака») для решения различных вопросов, формирования криминальной деятельности, подкупа должностных лиц оказания помощи лицам, осужденным к лишению свободы, и членам их семей, определение различных направлений преступного бизнеса, организация «сходок» для обсуждения проблем стратегии и тактики деятельности криминальных организаций с учетом изменяющейся социально-правовой ситуации и др. Исполнителями преступлений они практически не бывают; привлечь их к уголовной ответственности, как правило, чрезвычайно сложно.

3. Группа привычного риска

Такая группа включает членов криминальных организаций, непосредственно участвующих в совершении преступлений, профессиональных преступников, действующих как в сфере общеуголовной, так и экономической преступности. К названной группе следует отнести «боевиков» («бойцов»), выполняющих функции телохранителей лидеров криминальной среды, руководителей преступных групп, входящих в структуру организованной преступности, рядовых исполнителей, занимающихся вымогательством, перевозкой и сбытом наркотических веществ, фальшивомонетничеством, разбоями, грабежами и кражами, в частности, с проникновением в жилище граждан, имеющих крупные материальные ценности, организаторов азартных игр, мошенников-профессионалов, лиц, систематически занимающихся организованными хищениями и др. Трудно дать полный перечень субъектов, привычно пренебрегающих возможностью быть привлеченными к уголовной ответственности, учитывая постоянное появление новых форм и областей криминальной деятельности, сознательное восприятие опыта, накопленного в структурах зарубежной организованной преступности. В последние годы, к примеру, возник тип преступника, специализирующегося на киберпреступлениях (хакера). Профессиональная преступная деятельность, естественно, включает в себя способы и приемы минимизации уголовно-правового риска. К ним относятся: выбор жертвы посягательства из числа лиц, участвующих в совершении преступлений, скомпрометированных определенными противоправными действиями; тщательная подготовка к совершению преступления, включая уничтожение

следов преступления и оперативное исчезновение с места криминального события; воздействие на потерпевших и свидетелей посягательства, осуществляемое путем психического и физического насилия; обеспечение конспирации и контрразведывательная деятельность в отношении правоохранительных органов, их подразделений и служб, конкретных работников, установление с ними доверительных отношений; использование квалифицированной юридической «помощи» (консультаций) в процессе подготовки к совершению преступления и после возбуждения уголовного преследования; дезинформация общественного мнения в пользу правонарушителей с помощью средств массовой коммуникации и иным образом; угрозы и насилие в отношении сотрудников правоохранительных органов, лиц, осуществляющих частное расследование, собирающих соответствующую информацию с целью придать ее гласности; коррумпирование представителей системы уголовной юстиции, сбор компрометирующих сведений о них для последующего шантажа и т. п. Многие из указанных способов и приемов давно известны следственной и судебной практике, что, конечно, не снижает степени их актуальности. Заметим только, что наибольшей опасностью в настоящее время характеризуется коррумпирование должностных лиц, а также оказание психического давления на работников органов уголовной юстиции, граждан, вовлеченных в орбиту следственно-судебной деятельности.

4. Группа обоснованного риска

Разумеется, риск считается оправданным с позиций субъектов, заставляющих данную группу. Имея, как правило, относительно небольшой криминальный опыт, эти лица надеются, что совершая преступления эпизодически, можно благополучно избежать возможности привлечения к уголовной ответственности. Мотивы корысти, преобладающие среди представителей рассматриваемой категории, превалируют над соображениями конечной невыгодности криминального варианта поведения. Угрозу наказанием они склонны расценивать подобно участникам лотереи, рассчитывающим скорее выиграть, чем проиграть. Анализ объективных факторов, под влиянием которых складывается подобное мнение, убеждает в том, что такой расчет действительно оказывается обоснованным. По данным проведенного нами исследования реальная раскрываемость тяжких и особо тяжких преступлений составляет всего лишь 4,0 % [15, с. 100].

Кризис власти, болезненное состояние экономики, неэффективная работа существующих правоохранительных структур привели к беспрецедентной безответственности лиц, совершающих различного рода должностные злоупотребления. Естественно, что все это воздействует на неустойчивых граждан, которые, оказываясь в соответствующей ситуации (или способствуя ее созданию) рискуют вполне сознательно, а когда практика опровергает их расчеты, полагают, что им «просто не повезло».

Мнение о довольно частых нарушениях уголовного закона, которые не влекут ответственности, как показывают исследования правосознания, является довольно представительным. Оно распространено (правда, в разной степени) и среди населения, и в числе юристов-экспертов, и в массе лиц, склонных к совершению преступлений [16, с. 137–146].

Группа легкомысленного риска. Трудно подобрать более точное выражение, характеризующее отношение субъектов, входящих в эту группу, к возможности уголовного преследования за действия, которые они намерены совершить. То, что высокая вероятность быть привлеченными к уголовной ответственности не останавливает их от реализации преступного намерения (чаще всего осуществляемого в отношении знакомых им граждан) заставляет предположить здесь не только беспечность и возможный расчет на снисходительное отношение потерпевшего, но определенную патологию. Как показывают психологические исследования, такая патология нередко имеет социогенный характер и обусловлена непривитием личности в процессе воспитания «сдерживающих начал». В дальнейшем личность утрачивает в какой-то степени способность опережающего отражения действительности, вытесняя из своего сознания отрицательные последствия, которые могут наступить в будущем. Так, экспериментальные данные свидетельствуют о существовании определенной связи между неспособностью испытывать тревогу, к предвосхищающим эмоциональным реакциям в отношении вредных воздействий и социопатией, определяемой как хроническое неисправимое поведение, которое сопровождается ярко выраженным ослаблением эмоциональной впечатлительности. При этом формулируется далеко идущий вывод, что отсутствие у людей эмоции тревоги затрудняет (а, возможно, исключает) формирование правильных отношений к требованиям социальной жизни [17, с. 172–175]. Приведенные сведения частично согласуются с материалами

А.М. Яковлева относительно усиливающегося эмоционального безразличия у рецидивистов и оценке степени риска по мере продолжения преступной карьеры. Отмечается также отрицательное воздействие наказания на механизм оценки будущего, что выражается в подавлении субъективного чувства тревоги в отношении неблагоприятных последствий антисоциального поведения [18, с. 161, 247].

С психологической точки зрения поведение лиц, отнесенных к характеризуемой категории, соответствует чертам акцентуированной личности (по К. Леонгарду), точнее, такого ее типа, как демонстративная личность, живущая одним моментом [19, с. 43].

Разумеется, что социопатия личности, проявляющаяся в безразличном отношении к будущему, не исключает влияния генетического фактора на возникновение дефектов предвидения в механизме мотивации, в том числе криминальной.

5. Группа эмоционального риска

В противоположность представителям предыдущей категории оценка будущего не руководит поведением субъектов, составляющих данную группу, по причине высокого эмоционального напряжения, которое по существу подавляет способность личности к рациональным действиям, включая предвидение их уголовно-правовых последствий. Речь здесь, в частности, идет о лицах, совершающих умышленные преступления в состоянии аффекта, вызванного неправомерным поведением потерпевшего, а также о психопатах. Материалы изучения психопатических личностей фиксируют такие их качества, как вспыльчивость, раздражительность, легкое возникновение приступов ярости, аффективных разрядов по любому, даже незначительному поводу, демонстративность, эмоциональная напряженность переживаний. И у этих лиц нарушается связь субъективной возможности реализации потребности с оценкой ситуации, прошлым опытом, прогнозом будущих событий (в том числе прогнозом возможных последствий своих действий [20, с. 196–200]. Аналогичные сведения приводятся и в работах, посвященных отдельным типам правонарушителей [21, с. 28–34].

6. Группа ситуационного риска

Представители этой группы – лица, попадающие в экстремальную ситуацию (в том числе по собственной вине), в которой они принимают неправильное решение, могущее привести к уголовно-правовым последствиям. Их исследовал Ю.В. Голика, выделяя такие типы правонарушителей, как «растерявшиеся», «стрессовые» [22, с. 84–85].

Таким образом, группу ситуационного риска составляют субъекты, неожиданно попавшие в экстремальную обстановку и не имеющие навыков правомерного выхода из нее. Сказанное, однако, не означает, что лица, попавшие под давление ситуации, лишаются возможности прогнозировать вероятность криминального исхода случившегося. Просто этап предвидения должен быть «сдвинут» на более ранние стадии в механизма формирования поведения с учетом типичных экстремальных ситуаций, в которых может оказаться, к примеру, житель большого города, водитель личного транспорта и т.н. Высказанное соображение логично дополнить следующим выводом: в работе по правовому воспитанию населения целесообразно уделять специальное внимание оценке уголовно-правового риска в экстремальных ситуациях и типичным приемам их правомерного решения.

7. Группа профессионального риска

Многие профессии связаны с необходимостью выбора варианта решения из ряда альтернатив, вероятным последствием которого может быть привлечение субъекта к уголовной ответственности. Не случайно в уголовное законодательство обобщенно включена норма о правомерном профессиональном риске. Однако она не «обнуляет» вероятность уголовно-правового риска для субъектов, которые осуществляют профессиональную деятельность в производственной, хозяйственной, медицинской, научно-технической и других сферах, поскольку вредные последствия могут быть оценены по-разному как рискующими лицами, так и правоохранительными органами.

Таким образом, данное обстоятельство может выступать одним из факторов, влияющих на степень профессионального риска. В числе других следует назвать дефекты нравственного и правового сознания; недостаточный уровень профессиональной подготовки; типичность ситуации, в условиях которой профессионал принимает решение (ранее заканчивающейся благополучно), что приводит к выработке поведенческого стереотипа; латентность случаев неправомерного профессионального риска, нередко не становящихся по различным причинам предметом уголовно-правовой оценки.

8. Общие выводы

Подводя итог вопросу о дифференциации групп уголовно-правового риска и факторах, его обуславливающих, необходимо оговориться, что не все явления, имеющие отношение к обсуждаемой теме, «укладываются» в предложенную схему. Так, трудно

отнести к какой-либо из названных групп тип преступника-садиста, который, наряду со склонностью к экзотическим переживаниям, возбудимостью, экзальтированностью демонстрирует педантичность в подготовке к завершению преступления, хитрость, изворотливость в стремлении избежать уголовной ответственности. Равным образом и фактором риска не всегда могут быть подразделены в строгой зависимости от указанных категорий, хотя важно оценивать каждый раз их специфическое содержание. В литературе, в частности, обращается внимание на склонность некоторых людей к риску, мотивированную желанием переживать необычные ощущения, испытывать особую форму физического подъема, которую создает жизнь на грани опасности [23, с. 62].

Это замечание, бесспорно, справедливо, однако следует уточнить, что тяга к риску выражается не только в занятии определенными видами спортивной деятельности (например, альпинизмом, парашютизмом, конными скачками), но и в криминальном поведении. Сказанное, конечно, не означает фатальной предрасположенности к общественно опасным поступкам, здесь констатируется тот факт, что у лиц определенного психологического склада (например, у гипертимных личностей [24, с. 288–318]) склонность к риску нередко реализуется в отклоняющемся поведении. К этому необходимо добавить, что авантюрные черты личности, ориентация на риск, сочетающиеся с нонконформностью, стремлением к самостоятельности и независимости, гордостью, эгоцентризмом и уверенностью в будущем обычно высоко оцениваются в криминальной субкультуре и поэтому сознательно вырабатываются, подвергаясь всякого рода тренингу. Склонность к риску часто идентифицируется с решительностью и мужественностью и демонстрирующий в своем поведении данную тенденцию субъект имеет предпочтительные шансы занять более высокое положение в неформальной, иерархии определенной делинквентной среды.

С психологической точки зрения следует обратить внимание и на адаптацию к риску, которая объясняет отчасти легкость «перехода» от социально одобряемых образов поведения к негативным и даже общественно опасным. Характерно, что пространственно-временные параметра таких проявлений имеют, как правило, криминальную ориентацию, что встречается, в частности, в пренебрежительном отношении к здоровью в местах лишения свободы или – к жизни в моменты вспышек межнационального экстремизма. Отсюда просматривается

снижение степени страха в плане уголовно-правового риска – с одной стороны. И с другой – человек, безответственно рискующий своей жизнью, вряд ли будет с необходимой осторожностью относиться к жизни других. Заметим попутно, что девальвация собственной жизни в субъективной шкале ценностей, как показывают исследования [25, с. 137], отражается в подсознании и поэтому имеет довольно продолжительное негативное «эхо» в том числе с точки зрения выбора поведения, опасного для окружающих.

Страх перед угрозой привлечения к уголовной ответственности может быть подавлен страхом перед санкциями со стороны других преступников. Причем если в первом случае вероятность наступления неблагоприятных последствий субъективно воспринимается чаще всего как проблематичная, то во втором – она ощущается близкой к единице. Подобная конкуренция ответственности, конечно, влияет на оценку уголовно-правового риска и обуславливает пренебрежительное к нему отношение. Собственно говоря, неотвратимость ответственности для нарушителей норм криминальной субкультуры и является одной из основных связей, скрепляющих деятельность преступных организаций. Это видно, в частности, из характеристики организации якудза, всегда карающей своих отступников [26, с. 40].

Таким образом, отношение к риску – существенная характеристика субъективного механизма социально опасного поведения. Не менее важная черта – отношение к правовой действительности. Как известно, поведение человека, зависит от того, как он определяет сложившуюся обстановку, интерпретирует происходящее [27, с. 40]. По отношению к рассматриваемой проблеме это значит, что субъект может неадекватно воспринимать происходящее, заблуждаясь относительно правового характера события. Возможные варианты такого искаженного восприятия поляризуются применительно к двум видам: а) ситуация оценивается как угрожающая с уголовно-правовой точки зрения, хотя объективно она, является нейтральной или даже благоприятной – для защиты социальных интересов; б) обстановка не интерпретируется в ее уголовно-правовом значении, несмотря на существование нормативных предписаний. Примером первого рода может служить ситуация необходимой обороны, когда лицо, способное защититься от нападения или оказать помощь другому человеку, не предпринимает достаточно активных действий из боязни быть привлеченным к уголовной ответственности. В качестве примера второго рода следует упомя-

нуть случаи, связанные с тем, что законодатель недобросовестно использует правило «незнание закона не освобождает от ответственности», принимая нормы, не опирающиеся на нравственные чувства, требующие буквального систематического заучивания (в частности, недонесение об определенных преступлениях) – своего рода уголовно-правовые ловушки. Понятно, что субъект в таких случаях просто не задумывается над перспективой уголовно-правовой квалификации его поведения.

Отношение к правовой действительности влияет на оценку уголовно-правового риска и в аспекте тех закономерностей правоприменительной практики, которые проанализированы и усвоены общественно опасной личностью. Такие закономерности могут касаться особенностей реагирования на определенные виды правонарушений, практики раскрытия преступлений и обращения с преступниками, прокурорского надзора, судебной деятельности – словом, тех сторон уголовно-правовой политики, которые воплощают нормативные предписания в реальность. Не вызывает сомнения, что степень уголовно-правового риска зависит от эффективности уголовно-правовой практики.

9. Оценки

Изучение судебной практики дает возможность оценить вероятность уголовного преследования для представителей условно выделенных типологических групп уголовно-правового риска.

1. Вероятность привлечения к уголовной ответственности представителей первой из названных выше типологических групп близка к нулю. Следует, конечно, иметь в виду динамику такой вероятности: в отдельные периоды она может повышаться – и довольно существенно, – например, во время проведения кампаний по борьбе с коррупцией, изменения политической обстановки, законодательных реформ. В такие критические периоды элитарная группа несет «потери», однако, изменяя свой состав, она быстро приспосабливается к новым условиям и продолжает существовать. Сведения о качественных характеристиках представителей этой группы чрезвычайно симптоматичны как в плане общего состояния политической ситуации, так в аспекте актуальных направлений уголовно-правовой политики.

2. Для лиц, отнесенных к группам привычного и обоснованного риска, искомая вероятность приобретает разные значения в зависимости от многих факторов, главным (системообразующим) из которых выступает вид (характер) преступной деятельности. Например, учитывая реальную раскрываемость

преступлений, вероятность осуждения лиц за умышленные убийства и изнасилования составляет около 20 %, за грабежи и кражи – около 3 %, а за фальшивомонетничество – менее 1 % [15, с. 100].

3. Высокая вероятность привлечения к уголовной ответственности представителей групп легкомысленного и эмоционального риска обусловлена очевидностью таких преступлений. Имея в виду тесную положительную корреляцию между тяжестью совершенного преступления и вероятностью наступления уголовно-правовых последствий для виновного, следует отметить широкий диапазон значений уголовно-правового риска: от очень высокого (в случае квалифицированного убийства) – до небольшого (в случае легкого телесного повреждения). Причем по мере уменьшения общественной опасности посяательства увеличивается «корректирующее» воздействие такого фактора, как улаживание уголовно-правового конфликта путем сговора с потерпевшим.

4. Вероятность привлечения к уголовной ответственности лиц, отнесенных к группе ситуационного риска, зависит от частоты экстремальных ситуаций, в которые – по собственной вине – попадает тот или иной субъект и, разумеется – от размера причиненных (могущих быть причиненными) последствий соответствующего события. Например, что касается тех лиц, вины которых в создании экстраординарной обстановки нет, искомая вероятность здесь нередко определяется частотой уголовно-правовых ошибок. К сожалению, отсутствие специальных современных исследований проблемы уголовно-правовых ошибок не позволяет сформулировать количественную оценки уголовно-правового риска, возникающего в данной связи. Обратим внимание только на его наиболее опасные «зоны»: активное противодействие нападающим, причинившее им серьезный физический вред, задержание преступника, сопротивление работникам полиции. Вероятность привлечения к уголовной ответственности субъективно часто оценивается с поправкой на ошибки уголовно-правовой практики, что нередко объясняет кажущуюся пассивной позицию того или иного лица в экстремальной обстановке.

В связи со сказанным следует упомянуть еще один фактор «объективизации» уголовно-правового риска, заключающийся в возможности использования уголовно-правовых норм с целью воспрепятствовать социально-полезной деятельности, разумной инициативе, обоснованной критике и т. п. Такую возможность, реализующуюся в преследовании граждан, посягнувших на интересы лиц, оказывающих

влияние на уголовно-правовую политику, нельзя считать исчезнувшим анахронизмом. Она не устранена и сегодня. Это указывает на то, что по отношению к деятельности любого физического вменяемого лица, достигшего определенного возраста, уголовно-правовой риск равен нулю только теоретически.

5. Величина уголовно-правового риска для субъектов профессиональной деятельности не должна быть значительной по двум основаниям. Во-первых, если уголовно-правовой риск становится атрибутом какой-либо профессии, то это значит, что такая профессия превращается в криминальную и, следовательно, требует официального запрещения. Осознание данного факта необходимо для изменения социально-правовых условий, детерминирующих рискованное поведение представителей определенных профессий. Во-вторых, уголовно-правовой риск минимизируется вследствие существова-

ния профессиональной корпоративности, защищающей своих членов от уголовно-правового преследования. Конечно, нежелательно, чтобы это было вынужденной реакцией на крайне неблагоприятную в отношении той или иной профессиональной деятельности обстановку, но недопустимо, когда корпоративные интересы становятся независимыми от уголовно-правовых установлений. Чрезвычайно важно пресечь возможность смыкания первой и последней выделенных типологических групп уголовно-правового риска.

10. Заключение

Величины уголовно-правового риска, несомненно, должны учитываться в уголовно-правовой политике: как при оценке ее целеустремленности и эффективности, так и при решении задачи, которая должна быть поставлена и решена в обозримом будущем – комплексного информационно-аналитического ее обеспечения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов Г.А. Криминология. Прогностика. Управление / Г.А. Аванесов. – Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1975. – 423 с.
2. Закалюк А.П. Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения / А.П. Закалюк. – М.: Юридическая литература, 1986. – 191 с.
3. Иващенко А.П. Индивидуальное криминологическое прогнозирование и профилактика рецидива преступлений / А.П. Иващенко. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1980. – 72 с.
4. Овчинский С.С. Информационно-прогностическое обеспечение индивидуальной профилактики / С.С. Овчинский. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1979. – 158 с.
5. Солопанов Ю.В. Прогнозирование рецидива преступлений со стороны освобожденных из ИТУ / Ю.В. Солопанов, А.П. Иващенко. – М.: Московская высшая школа МВД СССР, 1981. – 75 с.
6. Фокс В. Введение в криминологию / В. Фокс. – М.: Прогресс, 1980. – 263 с.
7. Холыст Б. Криминология. Основные проблемы / Б. Холыст. – М.: Юридическая литература, 1980. – 263 с.
8. Gorr W. Introduction in Crime Forecasting / W. Gorr, R. Harries // International Journal of Forecasting. – 2003. – No. 19. – P. 551–555.
9. Berk R. Statistical Procedures for Forecasting of Criminal Behavior / R. Berk, J. Bleich // Criminology & Public Policy. – 2013. – Vol. 12, iss. 3. – P. 513–537.
10. Andrews D. The recent past and near future of risk and/or need assessment / D. Andrews, J. Bonta, J.S. Wormith // Crime and Delinquency. – 2006. – Vol. 52, iss. 1. – P. 7–27.
11. Bonta J. Offender risk assessment: Guidelines for selection and use / J. Bonta // Criminal Justice & Behavior. – 2002. – Vol. 19, iss. 4. – P. 335–379.
12. Dixon J. The organizational context of sentencing / J. Dixon // American Journal of Sociology. – 1995. – Vol. 10, iss. 5. – P. 1157–1198.
13. Shooka J.J. Structured decision making in juvenile justice: Judges' and probation officers' perceptions and use / J.J. Shooka, R.C. Sarrib // Children and Youth Services Review. – 2007. – Vol. 29, iss. 10. – P. 1335–1351.
14. Бородин С.В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы / С.В. Бородин. – М.: Наука, 1990. – 271 с.
15. Клеймёнов М.П. Нераскрытая преступность / М.П. Клеймёнов, И.М. Клеймёнов. – М.: Норма, 2015. – 208 с.

16. Ратинов А.Р. Правовая психология и преступное поведение / А.Р. Ратинов, Г.Х. Ефремова. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1988. – 256 с.
17. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций / Я. Рейковский. – М.: Прогресс, 1979. – 392 с.
18. Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика / А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1985. – С. 161. – 247 с.
19. Леонгард К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. – Киев: Высшая школа, 1981. – 390 с.
20. Криминальная мотивация. – М.: Наука, 1986. – 304 с.
21. Самовичев Е.Г. Убийство: психологические аспекты преступления и наказания / Е.Г. Самовичев. – М.: Флора, 1988. – 290 с.
22. Голик Ю.В. Случайный преступник / Ю.В. Голик. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1984. 167 с.
23. Алыгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни / А.П. Алыгин. – М.: Наука, 1999. – 187 с.
24. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко // Психология индивидуальных различий. Тексты. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – С. 288–318.
25. Якобсон П.М. Психологические проблемы мотивации поведения человека / П.М. Якобсон. – М.: Провещение, 1969. – 316 с.
26. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии / К. Уэда. – М.: Прогресс, 1969. – 253 с.
27. Шибутани Т. Социальная психология / Т. Шибутани. – М.: Прогресс, 1969. – 534 с.

REFERENCES

1. Avanesov G.A. *Criminology. Forecast. Control*. Gorky, Gorky Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1975. 442 p. (In Russ.).
2. Zakalyuk A.P. *Prediction and prevention of individual criminal behavior*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986. 191 p. (In Russ.).
3. Ivashchenko A.P. *Individual criminological forecasting and prevention of relapse*. Moscow, All-Union Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1980. 72 p. (In Russ.).
4. Ovchinskiy S.S. *Information and prognostic provision of individual prevention*. Moscow, All-Union Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1979. 158 p. (In Russ.).
5. Soloponov Yu.V., Ivashchenko A.P. *Prediction of relapse on the part of those released from correctional labor institutions*. Moscow, Moscow Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR Publ., 1981. 75 p. (In Russ.).
6. Fox V. *Introduction to criminology*. Moscow, Progress Publ., 1980. 263 p. (In Russ.).
7. Kholyst B. *Criminology. Main problems*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1980. 263 p. (In Russ.).
8. Gorr W., Harries R. Introduction in Crime Forecasting. *International Journal of Forecasting*, 2003, no. 19, p. 551–555.
9. Berk R., Bleich J. Statistical Procedures for Forecasting of Criminal Behavior. *Criminology & Public Policy*, 2013, vol. 12, iss. 3, p. 513–537.
10. Andrews D., Bonta J., Wormith J.S. The recent past and near future of risk and/or need assessment. *Crime and Delinquency*, 2006, vol. 52, iss. 1, p. 7–27.
11. Bonta J. Offender risk assessment: Guidelines for selection and use. *Criminal Justice & Behavior*, 2002, vol. 19, iss. 4, p. 335–379.
12. Dixon J. The organizational context of sentencing. *American Journal of Sociology*, 1995, vol. 10, iss. 5, p. 1157–1198.
13. Shooka J.J., Sarrib R.C. Structured decision making in juvenile justice: Judges 'and probation officers' perceptions and use. *Children and Youth Services Review*, 2007, vol. 29, iss. 10, p. 1335–1351.
14. Borodin S.V. *The fight against crime: a theoretical model of a comprehensive program*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 271 p. (In Russ.).
15. Kleymenov M.P., Kleymenov I.M. *Unsolved crimes*. Moscow, Norma Publ., 2015. 208 p. (In Russ.).
16. Ratinov A.R., Efremova G.Kh. *Legal psychology and criminal behavior*. Krasnoyarsk, Publishing House of the Krasnoyarsk University, 1988. 256 p. (In Russ.).
17. Reikovskiy Ya. *Experimental psychology of emotions*. Moscow, Progress Publ., 1979. 392 p. (In Russ.).

18. Yakovlev A.M. *Theory of criminology and social practice*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 247 p. (In Russ.).
19. Leonard K. *Accentuated personality*. Kiev, Vysshaya shkola Publ., 1981. 390 p. (In Russ.).
20. Antonyan Yu.M., Gul'dan V.V., Kudryavtsev V.N., et al. *Criminal motivation*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 304 p. (In Russ.).
21. Samovichev E.G. *Murder: the psychological aspects of crime and punishment*. Moscow, Flora Publ., 1988. 290 p. (In Russ.).
22. Golik Yu.V. *Random criminal*. Tomsk, Publishing House of the Tomsk University, 1984. 167 p. (In Russ.).
23. Alygin A.P. *Risk and its role in public life*. Moscow, Nauka Publ., 1999. 187 p. (In Russ.).
24. Lichko A.E. *Psychopathies and character accentuations in adolescents*, in: Gippenreiter Yu.B., Romanov V.Ya. (eds.). *Psychology of individual differences. Texts*. Moscow, Publishing House of the Moscow State University 1982. P. 288-318. (In Russ.).
25. Jacobson P.M. *Psychological problems of motivation of human behavior*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 316 p. (In Russ.).
26. Ueda K. *Crime and criminology in modern Japan*. Moscow, Progress Publ., 1969. 253 p. (In Russ.).
27. Shibutani T. *Social psychology*. Moscow, Progress Publ., 1969. 534 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Клеймёнов Михаил Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации; ¹ заведующий кафедрой уголовного права и криминологии; ² профессор кафедры уголовного права и национальной безопасности

¹ Омский государственный университет

им. Ф.М. Достоевского

² Новосибирский государственный университет экономики и управления

¹ 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

² 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56
e-mail: klim798@mail.ru

SPIN-код РИНЦ: 44316452; AuthorID: 596245

ORCID: 0000-0002-6942-7059

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Mikhail P. Kleymenov – Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation; ¹ Head, Department of Criminal Law and Criminology; ² Professor, Department of Criminal Law and National Security

¹ Dostoevsky Omsk State University

² Novosibirsk State University of Economics and Management

¹ 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

² 56, Kamenskaya ul., Novosibirsk, 630099, Russia
e-mail: klim798@mail.ru

RSCI SPIN code: 44316452; AuthorID: 596245

ORCID: 0000-0002-6942-7059

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Клеймёнов М.П. Проблемы уголовно-правового прогнозирования индивидуального преступного поведения / М.П. Клеймёнов // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 2. – С. 99–108. – DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(2).99-108.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kleymenov M.P. Problems of criminal legal forecasting of individual criminal behavior. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2020, vol. 4, no. 2, pp. 99–108. DOI: 10.24147/2542-1514.2020.4(2).99-108. (In Russ.).